

Вышенская Юлия Павловна

**ЦЕННОСТНАЯ ФИЛЬТРАЦИЯ КАК ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА ФАБЛЬО)**

Настоящая статья обращена к исследованию процессов формирования художественного стиля, полагаемого связующим звеном текста, понимаемого как документ, и дискурса, трактуемого как "категоризация универсума", результата действия классифицирующих лексикализаций, представленных "теориями жанров". Языковые факты анализируются на основе разнообразных культурно-лингвистических традиций. В качестве иллюстративной базы используется текстовый материал произведений английской средневековой словесности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. IV. С. 55-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

33. Osgood C. E. Lectures on Language Performance. N. Y.: Springer Verlag, 1980. 276 p.
34. Prince E. F. On the Inferencing of Indefinite-this NPs // Elements of Discourse Understanding. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 231-250.
35. Stockwell R. P. Foundations of Syntactic Theory. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, Inc., 1977. 217 p.
36. Tompson S. A. «Subordination» and Narrative Event Structure // Typological Studies in Language 11: Coherence and Grounding in Discourse / ed. by R. S. Tomlin. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1987. P. 435-454.
37. Wärvik B. What is Foregrounded in Narratives? Hypotheses for Cognitive Basis of Foregrounding // Approaches to Cognition through Text and Discourse. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2004. P. 99-122.

ANTHROPOCENTRIC ESSENCE OF A COMMUNICATIVE DIVISION OF A SENTENCE

Vinogradova Svetlana Grigor'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
vinogradova.sg@yandex.ru

Within the context of the traditional trends to investigate this phenomenon – logical, psychological and structural-functional – the communicative division of a sentence manifests itself as an anthropocentrically conditioned phenomenon. Its anthropocentric essence in the context of simple and compound sentences acquires a serious argumentativeness within the framework of the theories of the most promising nowadays cognitive trend in linguistics. Studying the communicative division of a sentence taking into account the recently identified interpreting function of a language which represents the individuality of cognitive processes mediated by the language allows, as the author believes, discovering the new dimensions of this phenomenon in the cognitive and anthropocentric aspect.

Key words and phrases: anthropocentric; communicative division of a sentence; simple sentence; compound sentence; trend of the research; logical; psychological; structural-functional; cognitive; interpretation.

УДК 81/112

Филологические науки

Настоящая статья обращена к исследованию процессов формирования художественного стиля, полагаемого связующим звеном текста, понимаемого как документ, и дискурса, трактуемого как «категоризация универсума», результата действия классифицирующих лексикализаций, представленных «теориями жанров». Языковые факты анализируются на основе разнообразных культурно-лингвистических традиций. В качестве иллюстративной базы используется текстовый материал произведений английской средневековой словесности.

Ключевые слова и фразы: дискурс; жанр; стиль; мир художественной концепции; моделирование; языковые меры.

Вышенская Юлия Павловна, к. филол. н., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
clemence_isaure@rambler.ru

ЦЕННОСТНАЯ ФИЛЬТРАЦИЯ КАК ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА ФАБЛЬ)[©]

В новейших трудах в области дискурс-анализа, стиливедения, текстологии, теории текста и его интерпретации большое внимание уделяется взаимосвязям составляющих триединство феноменов стиля, дискурса и текста.

Предлагаемое исследование ставит своей целью изучение особенностей процессов формирования стиля произведений средневековой словесности, имевших место в художественной дискурсивной среде европейского Средневековья, на основе применения положения о ценностной фильтрации.

Достижение поставленной цели обуславливает необходимость решения некоторых задач частного характера: анализ имеющихся на настоящий момент точек зрения относительно языковой функции текстопорождения, сопряжённой с функциями «обеспечивания» этнически отмеченного дискурса с учётом триединства «текст – стиль – дискурс»; вычленение этнокультурных закономерностей порождения и интерпретации текста; установление взаимосвязи жанра и стиля как феноменов, порождаемых средой художественной речи; толкование конкретных примеров стилистических приёмов, моделируемых согласно законам художественной концепции эпохи позднего Средневековья.

Путём осуществления языком функции порождения текстов, по мысли В. Б. Касевича, «обеспечивается» дискурс, отмеченный печатью этноса, которому присущи свои собственные закономерности, не тождественные грамматике и лексикону данного языка [9, с. 168].

Текст, появляющийся по выполнению языком своей функции, в равной степени предназначен для восприятия, в основу закономерностей процесса которого заложены также культурно-обусловленные различия [Там же, с. 171].

Абстрактная модель 'текст – стиль – дискурс' по своём перенесении в плоскость исторической стилистики и проецировании на конкретный текстовый материал получает особое содержание.

Процесс изучения культуры сопряжён с процессом овладения исследователем умения «говорить о культуре в тех категориях, с теми акцентами, в той последовательности, как это делает сам носитель культуры» [10, с. 108].

Специфика ситуации европейского искусства XIV-XV вв., сформировавшейся вслед за искусством Италии в эпоху позднего Средневековья, получает освещение в работах М. Дворжака. Особенность сложившихся обстоятельств заключается в активизации в это время процессов превращения собственно художественной формы в «драгоценное духовное достояние человеческой жизни», которые достигают особой интенсивности именно в литературной среде. В результате статус автора-ремесленника заменяется статусом творца, а создаваемого им художественного произведения – статусом стимула поисков «разъяснения окружающего мира и духовного овладения им» путём апелляции к чувственному опыту [6, с. 21].

Спектр известных средневековому человеку миров замыкался поюсторонним, ограниченным и потусторонним, непреходящим мирами. Эпоха Возрождения знаменует собой открытие мира художественного произведения, или мира художественной концепции, который существует по своим собственным законам.

В искусстве слова, литературе, намечается тенденция переосмысления искусства, классических художественных образцов на основе новых духовных начал [Там же, с. 56].

Подобной точки зрения придерживается и С. С. Аверинцев. Значимость античной традиции, указывает он, подразумевает не её неизменность, а лишь факт соизмерения с нею всех изменений [1, с. 146]. В античной традиции было принято сопоставление живописи, ваяния и зодчества с ораторским искусством на условиях субординации всех прочих видов искусства по отношению к искусству ораторскому, то есть риторике. Проявление отмеченного феномена наблюдается, в частности, «в приравнивании описания внутреннего членения пластического искусства к риторическим схемам... Сближение ручного художества и риторической культуры в эпоху Возрождения усиливается появлением нового типа художника: гуманист как художник и художник как гуманист» [Там же, с. 149].

Характерная черта гуманистической филологии складывается из сочетания «углублённого изучения античности, что порою приводит к попыткам её возрождения, примером которых можно считать реставрацию классической латыни, а также новых принципов и методов филологической и исторической критики текста, ... чему сопутствует стремление к высокой языковой культуре и идеям совершенствования языка» [11, с. 27].

Рассуждения подобного рода предвосхищают принятое в дискурс-анализе положение о ценностной фильтрации мира, – «установлению ценностных соответствий между его сущностями в соответствии с запросами субъекта, ... сопряжённой с интенсивной деятельностью языкового сознания» [3, с. 54].

Отмеченное выше несоответствие закономерностей дискурса закономерностям грамматики и лексикона наблюдается в недостаточности терминологии детерминистической (классической) логики для описания отношений между высказываниями дискурса. Объяснение подобного феномена кроется в отсутствии ограничений в логических законах построения в текстах художественных произведений и произведений фольклора, где они подменяются законами парадокса и абсурда. Особенность процессов моделирования реальных и нереальных образов заключается в использовании одних и тех же языковых мер [Там же, с. 56-57].

Следует отметить тесную связь законов восприятия текста с социальным характером «обеспечиваемого» им дискурса, который, по замечанию А. Греймаса, в свою очередь, имеет отношение к проблеме «изменчивости оценок текстов», иными словами, отличию интерпретаций одного и того же текста в эпоху порождения от интерпретаций, возникающих в последующие эпохи. Причина расхождения интерпретационных версий усматривается в изменчивости исторических социокультурных контекстов, в которые интерпретируемые тексты «последовательно вписываются». Интерпретация подобного рода подразумевает у текста наличие «инвариантности», выделяемой в качестве имманентной текстовой черты, а сам текст «подлежит разнообразным прочтениям», характер которых определяется изменениями экстратекстовой природы, которые происходят в адресах. Количество изотопий (возможных осмысленных вариантов) прочтения одного и того же текста, между тем, является ограниченным в силу «его сопротивляемости определённым контекстным вариациям» [4, с. 208].

Выделенными особенностями текстового целого обусловлен и сам метод лингвистического исследования, в рамках которого постулируется «привлечение всевозможных культурно-лингвистических традиций для анализа языковых фактов» [15, с. 7], фиксируемых в текстовом материале древних памятников.

Текст как документ, по замечанию С. д'Арко Авалле, являет для исследователя единство всех его составляющих во всей целостности, одной из которых выступает стиль [16, р. 59] – связующее звено между текстом и дискурсом.

Реализация дискурса как «категоризации универсума» происходит «благодаря классифицирующим лексикализациям, наилучшим образом представленным "теориями жанров", изменяющимся при переходе от одной культуры к другой» [15, с. 2].

Взаимосвязь жанра и стиля заключается в том, что, по наблюдениям В. П. Григорьева, зарождение стиля наряду с другими понятиями (норма, художественность) происходит в подсистеме художественной речи и является в большей мере производной от её жанровой дифференциации. Появление самого жанра обусловлено «необходимостью... речевого воспроизведения определённой или иной ситуации в общих целях, когда жанр предстает как своего рода аналог необходимой бытовой ситуации» [5, с. 2], репрезентация которой возможна посредством особого словарного инвентаря единиц с последующим созданием особого рода руководства по их использованию. Иными словами, в конкретных исторических условиях общественного развития модификатор речевой ситуации в ситуацию литературного произведения выступает жанр, уникальное языковое приспособление, благодаря которому появляется литературный текст [Там же] с присущим ему стилем.

Европейские культуры эпохи «осени Средневековья» вступают в новую эру эволюции, в рамках которой возникают и бурно развиваются литературы на народном языке. С одной стороны, по мысли Н. Г. Елиной, это свидетельствует о демократизации духовной жизни города. Иными словами, латинский язык последовательно исчезает из духовного быта горожан, а в их сознании происходит оттеснение универсума, то есть воспоминаний о римской империи, муниципии, что в конечном итоге приводит к нарушению языковой традиции [7, с. 13].

Указанное нарушение вовсе не является принципиальным разрывом с традициями как таковыми, поскольку культурные, в частности литературные, традиции – «своеобразная форма общности», что значительно затрудняет окончательный отказ от них [Там же].

Для характеристики ситуации в сфере художественной коммуникации, прежде всего, в поэзии, сложившейся на исходе Средневековья, часто используется термин Б. Кроче «столетие без поэзии» [2, с. 49]. Слоvesность переходит на позиции филологии, комментирования или теоретизирования, утратив характерную в предшествующем веке способность «подчинять своему стилю и настроению всё, что в природе было способно ей подчиниться» [Там же].

Восприятие традиции или преемственности по-разному трактовалось Средневековьем и Возрождением. Средневековое понимание традиции заключается, прежде всего, в создании «сумм высокой схоластики... с намерением на века информировать, по выражению тех времён, сознание людей» [Там же, с. 50]. Иного плана преемственность ренессансного типа, свободная по отношению к материальной традиции, причём уровень свободы настолько высок, что «внешне складывается впечатление разрыва с прошлым» [Там же].

Возрождение, сложившееся в средневековом европейском городе, как отмечается в работах М. С. Кагана, оказалось качественно отличным от формировавшейся в городе субкультуры [8, с. 476]. Суть западноевропейского Ренессанса заключается в диалогическом совмещении христианской и античной форм мифологического сознания с реалистическим и гуманистическим сознанием нарождавшегося буржуазного общества; в результате разные позиции сливались в одну целостную, «снявшую» непримиримые противоречия участников диалога [Там же, с. 477].

Собственно буржуазная субкультура и стала той питательной средой, в которой произошёл расцвет нового жанра фавль. Считается, что идейный склад широко популярных в Провансе и Франции XII-XIII вв. произведений «куртуазной лирики» и куртуазно-рыцарских романов стал предвосхищением гуманистических литератур позднего Средневековья и раннего Возрождения [12, с. 133].

Жанр фавль, стихотворных новелл с разнообразными бытовыми ситуациями, в большинстве случаев комическими, но также и не менее часто серьёзными, появляется во французской литературе, начиная с XIII в. В этих произведениях находит отражение «идейное мирозерцание городских буржуазных слоёв общества» [Там же, с. 250].

В литературе наблюдается чёткое разделение высокой лирики, примером которой можно считать поэзию нового сладостного стиля с характерным для неё тяготением к абстрактности, и «шутливой» поэзии с присущим для неё сатирическим изображением отдельных персоналий. Жанр сатиры получил необычайное признание в буржуазной городской среде, прежде всего, в купеческой и ремесленной. В известной степени изображение человека в «шутливой поэзии» носит, по сравнению с высокой лирикой, уничижительный характер, но, вместе с тем, «её сатирическая трезвость как контраст мистической идеализации, подготавливает разрушение средневекового сознания» [7, с. 36].

Таким образом, именно жанры фавль и средневековых фарсов становятся сферой существования иронии и комического в литературе Средневековья, однако в XV в. эти стилистические приёмы получают статус маркеров как романов, так и новелл [19, р. 131].

В исследованиях более позднего периода [14] выделяются основополагающие сатирические черты сатирического жанра, являющего собой шутливо-игровую форму выражения особого менталитета, полемичную по отношению к поэтическим моделям, считавшимся наиболее авторитетными образцами в рассматриваемое время. Полемичный характер шутливой лирики, как отмечается А. В. Топоровой, находит проявление в том, что основу образуют категории «низкой» поэзии, противопоставляемой «высокой» поэзии нового сладостного стиля. При этом появление указанной черты как «возможности выбора альтернативного поэтического языка обусловлено не только практическим опытом, но имеет также теоретическую базу в средневековых поэтиках, примером которых можно считать широко известные в Европе в рассматриваемый период времени 'Documentum de arte versificandi' Гальфрида Винсальвского и 'Rhetorica' Бонкоманью» [Там же, с. 45].

В основе «шутливой» лирики – антистильновистское, шире – смеховое мировоззрение и эстетическая концепция. Эти тенденции, в основе которых принцип *à l'envers* (обратности), определяют специфические черты поэтического языка, иными словами, стилистические различия обуславливаются концептуально. Для характерного набора стилистических приёмов типично использование диалектных и просторечных выражений, грубой и непристойной лексики, пословиц и поговорок, грамматически неправильных форм, гипербола, подчас переходящих в гротеск, но, вместе с тем, иронии и игры смысловых форм [Там же].

Собственно, именно в языковой игре и проявляются следы феномена, детерминированного Г. Николсом как *cogito risibile* (когнитивно смеховое) [18, р. 333]. Ярким примером жанра фавль в английской литературе по праву считаются рассказы «брачного» цикла в незаконченной поэме Дж. Чосера «The Canterbury Tales» (Кентерберийские рассказы).

Ярким примером жанра фавль в английской литературе по праву считаются рассказы «брачного» цикла в незаконченной поэме Дж. Чосера «The Canterbury Tales» (Кентерберийские рассказы).

Содержание художественных произведений в их целом изменчиво во времени. Процессу изменения содержания сопутствует процесс изменения особенностей стиля, то есть их формы во всей её эстетически значимой целостности. На этом основании можно говорить о развитии жанра «в самых различных стилях, в частности, в самых различных стилях сюжетно-композиционных приёмов» [Там же, с. 254].

Одним из типичных стилистических приёмов, способствующих созданию комического эффекта, считается каламбур.

Предпосылки возникновения этого стилистического приёма, как указывается в работе немецкого исследователя М. Гёрлаха, существовали уже в древнеанглийский период. Наиболее известной иллюстрацией в древнеанглийской поэзии этого положения можно считать рассказ, сохранившийся в латинской версии, о встрече в Риме папы Григория и английских юношей. Приветствуя паломников из Англии, папа отмечает, что молодые люди по справедливости зовутся англами (Angli), ввиду очевидности их сходства с ангелами (angeli) [17, S. 183]. На завершение процесса формирования стилистического приёма каламбура понадобилось длительное время. Самые ранние примеры полноценных каламбуров, не самого любимого стилистического приёма Дж. Чосера, можно встретить в его творчестве, в частности, в поэме «Troilus and Criseyde» («Троил и Крисеида»):

Calchas by his calculation...

Predicted the Troie sholde des-troyed be
[12, с. 183].

Калхас, звездочёт, путём вычислений

предсказал разрушение Трои
(Перевод наш – Ю. В.).

Причины, очевидно, кроются в описанном выше балансировании между следованием традиции и новаторским тенденциям.

Предпринятый в статье анализ показал, что применение положения о ценностной фильтрации, принятого в современном дискурс-анализе, предлагает новый ракурс исследования специфики процессов формирования стиля произведений средневекового словесно-художественного творчества, в частности, жанра фавль.

Художественная дискурсивная среда европейского Средневековья, появляющаяся в результате осуществления характерной для языка функции порождения текстов, наряду с присущей ей универсальностью, отмечена также этнической по природе печатью, тем обуславливаются этнокультурные закономерности порождения и толкования текста. Стиль, как «мост» между текстом и дискурсом, тесным образом связан с жанром, модифицирующим речевую ситуацию в ситуацию литературного произведения, что является определяющим в использовании номенклатуры стилистических приёмов.

Анализ зафиксированных в произведениях Дж. Чосера стилистических приёмов демонстрирует необходимость учитывать ряд параметров, связанных с эволюцией литературных жанров, собственно стилистического арсенала, обладающего как чертами универсального характера, так и субъективных, авторских предпочтений.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Античный риторический идеал и культура // Античное наследие в культуре Возрождения. М.: Наука, 1984. С. 142-154.
2. **Бибихин В. В.** От поэтической философии к художественной науке // Образ и место Возрождения в истории культуры. М.: АН СССР, Ордена Трудового Красного Знамени, Институт философии, 1987. С. 47-69.
3. **Борботько В. Г.** Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. Изд-е 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 288 с.
4. **Греймас А.** Договор верификации // Язык. Наука. Философия. Логико-математический и семиотический анализ. Вильнюс: АН ЛитССР, Институт философии, социологии и права, 1986. С. 205-217.
5. **Григорьев В. П.** Жанрово-стилистика: определённость текста и становление языка испанской национальной литературы: автореф. дисс. ... д. филол. н. Л., 1983. 34 с.
6. **Дворжак М.** История итальянского искусства в эпоху Возрождения. М.: Искусство, 1978. 175 с.
7. **Елина Н. Г.** Поэтика «Новой жизни» и «Стихотворений» Данте: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1973. 50 с.
8. **Каган М. С.** Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997. 544 с.
9. **Касевич В. Б.** Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.
10. **Лурье С. В.** Историческая этнология. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. 624 с.
11. **Мечковская Н. Б.** Ранние восточнославянские грамматики. Минск: Университетское, 1984. 158 с.
12. **Поспелов Г. В.** Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. 351 с.
13. **Сепир Э.** Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 43-79.
14. **Топорова А. В.** Поэтический язык тосканской 'шуточной' лирики (*poesia giocosa*) XII-XIV вв. // Проблемы поэтического языка: конференция молодых учёных: тезисы докладов. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1989. Т. II. Поэзия Западной Европы. С. 43-45.
15. **Черняк А. Б.** Древнейшие французские тексты как источник лингвистического исследования: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1971. 25 с.
16. **Avalle D'Arco S.** Ai Servizio del Vocabulario della Lingua Italiana. Firenze: Presso L'Academia della Crusca, 1979. 189 p.
17. **Goerlach M.** Next Types and the History of English. Berlin – N.Y.: Walter de Gruyter, 2004. 334 S.
18. **Nickols S. G.** Aux Frontières du rire médiéval // L'Hostellerie de Pensé. Études sur l'art littéraire au Moyen Ages offerts à Daniel Poirion par ses anciens élèves. Cultures et civilisations Médiévales XII. P.: Press de l'Université de Paris. Sorbonne, 1995. P. 315-345.
19. **Rasmussen J.** La Prose Narrative Française du XV-e siècle. Étude esthétique et stylistique. Copenhague: Munksgaard, 1958. 198 p.

THE VALUE FILTRATION AS THE FACTOR OF ARTISTIC STYLE OF MEDIEVAL LITERATURE WORKS
(BY THE MATERIAL OF THE GENRE FABLIAU)

Vyshenskaya Yuliya Pavlovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
clemence_isaure@rambler.ru

The present article addresses the study of processes of the artistic style formation, which is believed to be a connecting link of a text, understood as a document, and a discourse, interpreted as “categorization of the universe”, the result of actions of classifying lexicalizations, presented by “the theories of genres”. Linguistic facts are analyzed on the basis of various cultural and linguistic traditions. A textual material of the works of English medieval literature is used as an illustrative foundation.

Key words and phrases: discourse; genre; style; the world of artistic concept; modeling; linguistic measures.

УДК 801.52

Филологические науки

Данная статья посвящена изучению производных прилагательных с семантикой сравнения в таких разноструктурных языках, как лакский и русский. В работе при необходимости приводятся также факты других дагестанских языков. В результате исследования выявлены как аффиксальные отсубстантивные производные, так и сложные слова-композицы, выражающие значение сравнения в лакском языке, и их соответствия в русском языке, а также установлены общие и специфические особенности данных прилагательных в сравниваемых языках.

Ключевые слова и фразы: лакский язык; производные прилагательные; русский язык; значение сравнения; аффиксальные производные; сложные слова-композицы; относительные прилагательные; переносное значение.

Гасанова Гулихан Алиевна, к. филол. н., доцент
Дагестанский государственный университет
gulistan160459@mail.ru

**ПРОИЗВОДНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СЕМАНТИКОЙ СРАВНЕНИЯ
В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ[©]**

Тема сравнения является одной из важных и вместе с тем недостаточно изученных исследовательских проблем. В частности актуальным в теоретическом и практическом плане представляется сопоставительное и типологическое изучение разноуровневых единиц языка, относящихся к семантическому полю сравнения (компаративности).

Образное сравнение может быть выражено различными языковыми средствами – лексическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, а также их сочетанием.

Особого внимания заслуживает значение сравнения у производных слов. Компаративные словообразовательно-семантические отношения – это отношения между элементами образного сравнения, а структура компаративно-производного слова представляет собою лишь особую разновидность языкового, т.е. образного сравнения [12, с. 8]. Наиболее представительную группу производных слов с семантикой сравнения составляют аффиксальные прилагательные со словообразовательным значением ‘обладающий признаками или свойствами того, кто назван (что названо) производящим словом; подобный кому – (чему)-либо’.

Цель данного исследования – провести анализ производных прилагательных с семантикой сравнения в лакском языке с привлечением русского и некоторых других дагестанских языков.

В статье рассматриваются словообразовательные структуры, в которых проявляются особые семантические взаимоотношения производящей основы и словообразовательных морфем. Это отношения сравнения (уподобления) между предметом, обозначенным производящим словом, и предметом, определяемым производным словом.

Ср. в русском языке: *стрела – стрелчатый, змея – змейчатый, колено – коленчатый* и др.

Компаративное словообразование в русском языке представляет собой весьма богатую и разветвленную систему, распространяющуюся на все знаменательные части речи. В дагестанских языках, в частности лакском, оно представлено преимущественно в системе имени прилагательного. В прилагательном компаративные отношения словообразующих морфем в обоих языках проявляются наиболее непосредственно.

Для лакского языка характерно употребление разнообразных атрибутивных слов, приравняемых к именам прилагательным. Все эти атрибутивные имена подразделяются на простые непроизводные прилагательные (собственно прилагательные) и образованные от других частей речи производные прилагательные. Широко употребительны и сложные прилагательные.